

ди, «нейронная организация человеческого мозга скорее аналогична сетевой организации, чем системе правил» [Op. cit.: 3].

Включение в поле зрения результатов и методов исследования иных научных дисциплин, помимо собственно лингвистических, позволяет рассматривать концепт не только как вербализованное понятие с конечным набором необходимых признаков, но и как образование более сложной динамической природы, объединяющее в себе научное и обыденное знание, психофизиологические ощущения, субъективные оценки, переживания и эмоции. Изучение концепта в комплексе всего его содержания является непростой задачей, однако, представляется, что при таком подходе можно приблизиться к пониманию мыслительной деятельности человека, его взаимодействия с культурой и роли языка в становлении сознания человека и в познании окружающего мира.

Концепция «семантических констелляций» К. Харди, подчеркивающая психофизиологическую природу концепта, активно участвующего в процессах коммуникации и в когнитивной деятельности человека и, следовательно, в формировании актуального, обыденного знания, на наш взгляд, представляет оптимальный комплексный подход к проблеме концепта как базовой единицы ментальной жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А.А. Самоорганизующиеся сети связей в индивидуальном лексиконе // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 41–51.
2. Комарова Ю.В. Синергетическая природа идентификации нового слова: опыт экспериментального исследования // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. – № 24 [52]. – Вып. 9 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 37–46.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
4. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 91–98.
5. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск.: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
7. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Гардарики, 2008. – 384 с.
8. Cruse, A. Towards typology of conceptual complexity // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 47–49.
9. Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.

О.А. Гуменюк

ЯЗЫК НАУКИ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

При современном полипарадигмальном [5: 17] подходе язык стал пониматься как динамическая, исторически сложившаяся знаковая система, являющаяся средством не только общения, но и познания. Научное познание как продолжение и

более высокая ступень обыденного познания ставит своей целью достижение научного знания и научной истины, невозможных без фиксирования, распространения и воспроизведения профессиональными научными сообществами [3: 62–73]. Для фиксации, хранения, переработки научного знания и передачи максимально точной, определенной и обоснованной информации о познаваемом объекте ученые вырабатывают специальный язык – язык науки, принимая как аксиому тот факт, что «знать какую-то науку – это прежде всего знать ее язык, основную терминологию, уметь понимать этот язык и общаться на нем, отличать осмысленные предложения этого языка от бессмысленных, истинные от ложных» [Op. cit.: 580–582]. Под языком науки подразумевается специфический понятийный аппарат научной теории и приемлемые в ней средства доказательства и аргументации; признается его формирование «в научном дискурсе, в контексте концептов, понятий, фактов, теорий, межтеоретических связей» [1: 146].

Однако нельзя считать язык науки каким-то особенным языком или новой семиотической системой. Осознанно утверждается, что это функциональная разновидность *естественного* языка, его «надстройка» [4: 136], которая подчиняется его универсальным закономерностям, хотя и является во многом искусственной. С.А. Лебедев [3: 581] указывает на три различных семиотических слоя в составе любой научной дисциплины: естественный язык, эмпирический язык и теоретический (в некоторых случаях формализованный). При создании теоретического языка происходит, как признает Т.Г. Лешкевич [4: 136], терминологизация слов *естественного* языка, калькирование терминов иноязычного происхождения и формализация языка. По мнению многих ученых, развитие науки непосредственно связано с развитием языковых средств, с выработкой более совершенного языка и с переводом знаний с прежнего языка на новый. Язык, по мнению Ю.С. Степанова [6: 5], как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых. В науке четко проявляется совпадающая с этапами ее развития тенденция перехода от использования языка наблюдений и описания к языку идеализированной предметности.

Динамика языка как инструмента закрепления и представления результатов познания прослеживается с развитием науки, в рамках которой выделяются четыре смены научных картин мира, четыре революции, сопровождаемые коренным изменением нормативных структур исследования (см. [7: 275–286]): революция XVII в. и становление классического естествознания; революция конца XVIII – первой половины XIX в. и переход к дисциплинарно-организованной науке; третья глобальная научная революция конца XIX – середины XX столетия, неклассическое естествознание; и, наконец, четвертая – современная эпоха, зарождение новой постнеклассической науки.

В эпоху классической науки и в соответствии с ее установками строилась и развивалась механическая картина природы (ньютонова Вселенная), одновременно выступающая как картина реальности и как общенаучная картина мира. Основной идеей механицизма стало достижение объективности и предметности научного знания путем исключения из описания и объяснения всего того, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Эпистемологической составляющей этой системы стали представления о познании как наблюдении и экспериментировании с объектами природы. Классическая картина мира осуществляла описание объектов, как бы существующих самими по себе в строго заданной системе координат. В ней четко соблюдалась ориентация на «онтос», т.е. то, что

дано в его фрагментарности и изолированности. Строго однозначная причинно-следственная зависимость возводилась в ранг объяснительного эталона. Она укрепляла претензии научной рациональности на обнаружение некоего общего правила или единственно верного метода, гарантирующего построение истинной теории [4: 124–125]. Язык классических теорий оказался не способен полноценно формировать и передавать новые знания об объектах и знания о новых объектах.

Во втором историческом периоде развития науки, который как и первый считается этапом формирования и развития классической науки и ее стиля мышления [7: 278], сохраняются общие познавательные установки классической науки, однако механистическая картина мира утрачивает статус общенаучной (попытки эволюционного объяснения в биологии и химии, теория поля в физике и т.д.). В эпистемологии центральной становится проблема «соотношения разнообразных методов науки, синтеза знаний и классификации наук» [Ibid.].

Эпоху неклассического естествознания накрывает лавина революционных открытий в различных областях знания: открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории, теории термодинамики в физике, концепция нестационарной Вселенной в космологии, появление квантовой химии, становление генетики в биологии, возникновение кибернетики и теории систем. Представление знаний неклассической наукой характеризовалось отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. Допускается истинность не одной «идеальной» теории, а нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности. В связи с осмыслением корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект, принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Идея исторической изменчивости научного знания, относительной истинности вырабатываемых в науке онтологических принципов соединялась с новыми представлениями об активности субъекта познания. Возникает понимание того факта, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов, который зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности.

В современную эпоху рождения новой постнеклассической науки наблюдается изменение характера научной деятельности, выражаемое в интенсивном применении научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, изменении самого характера научной деятельности, революцией в средствах хранения и получения знаний. Если реальностью классической науки была так называемая вещная реальность (определенным образом организованное вещество), то реальность постнеклассической науки – сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Изучение такого рода реальности невозможно в рамках дисциплинарно организованного знания. Любая наука – это всегда комплекс исследований, например естественно-научных, технических и гуманитарных. Эволюция в постнеклассической науке понимается прежде всего как коэволюция, как системно организованный процесс, сущность которого определяется идеей глобального эволюционизма. Наиболее характерной особенностью постнеклассической науки является синергетика – междисциплинарное знание, предмет которого – явление самоорганизации. Синергетика отказывается от так называемого объективного

описания мира и переходит к описанию проективному, она как бы предлагает проект действий, поскольку в рамках синергетического видения не может быть одной абсолютной истины [8: 94–103]. Итак, стратегическими линиями современной научной картины мира признаются: глобальный эволюционизм, самоорганизация систем и антропный принцип (со статусом любопытного наблюдателя) [1: 144]. Динамичность научного знания сталкивается с проблемой репрезентации нового знания посредством языка науки.

В методологии науки особое внимание, по мнению Т.Г. Лешкевич, обращается на то, что «язык науки ответственен за логическое упорядочивание и сжатое описание фактов», которые ведут к «значительной смысловой трансформации, к определенному пересмотру самого события или цепочки событий» [4: 138–139]. Тенденция развитой научной теории подтверждается развитой классификацией ее номологических (греч. *nomos* – ‘закон’) языков. Т.Г. Лешкевич выделяет следующие виды языков на основе внутренней структуры научной теории:

- *ассерторический* для формулирования основных утверждений данной теории; он подразделяется на формализованные (любые формальные логические языки) и неформализованные (фрагменты естественного языка, содержащие утвердительные предложения, дополненные научными терминами);
- *модельный* для построения моделей и других элементов модельно репрезентативной подсистемы; он также подразделяется на формализованные языки с использованием средств математической символики и неформализованные;
- *процедурный* для описания измерительных, экспериментальных процедур, а также правил преобразования языковых выражений, процессов постановки и решения задач (особенность – однозначность предписаний);
- *аксеологический* для создания возможности описания различных оценок элементов теории (располагает средствами сравнения процессов и процедур в структуре самой научной теории);
- *эротический*, отвечающий за формулировку вопросов, проблем, задач и решений;
- *эвристический*, описывающий исследовательский поиск в условиях неопределенности и формулирующий постановку проблемы [Ibid.].

Рассуждая о динамике рационального и иррационального в языке науки, В.М. Каиров [1: 147–148] приходит к понятию научного дискурса как сути единства рассудочного, понятийного и логического, погруженного в жизнь, в социальный контекст. Научный дискурс как опосредованное осознание находится в некотором смысле в оппозиции интуитивному, так же как рассуждение противопоставлено созерцанию. Он включает упорядочивание процедур, схем объяснения и соответствующих им интерпретаций. Подобное упорядочивание опыта посредством мышления предстает в форме коммуникативной рациональности, проявляющейся в опыте, языке, культуре.

Как вид научной коммуникации научный дискурс, имеющий мотивом достижение взаимопонимания, можно расценивать как порождающую модель мифопоэтической (как способности к производству форм упорядоченного знания из языкового «хаоса») [2: 355] функции языка науки, ибо он состоит из текста, оформляющего результаты научного исследования (например, теория или фрагмент научной области знания, научная картина мира), и неязыковых факторов (контекста, неявного знания, мнения, установки и целей участников обсуждения).

В.М. Каиров подчеркивает, что рациональность современного языка науки подчиняется принципам критического анализа познавательных и ценностных предпосылок, возможности выхода за их пределы, диалогизма, единства рациональных и иррациональных форм в науке и культуре, критического переосмысления субъектом результатов своего познания и отношения к миру [1: 146–149].

Современный этап построения теории научного познания характеризуется проблемным соотношением формальных языковых конструкций и действительности, аналитичности и синтетичности высказываний. Правомерно предполагать, что язык науки в контексте постнеклассической рациональности представляет собой терминологическую систему, стремящуюся к жесткой однозначной связи между важными составляющими научной теории – знаком и значением – и четкому определению правил описания и объяснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каиров В.М. Язык науки в контексте постнеклассической рациональности // Вестник Российского философского общества. – М.: РФО, 2006. – № 4. – С. 144–149.
2. Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. – М.: ИНФРА, 2002. – Вып. 8: Синергетика человеческой реальности. – С.355–376.
3. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории): Научное издание. – М.: Академический проект, 2008. – 692 с.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 272 с.
5. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 272 с.
6. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / АН СССР. Ин-т языкознания / Отв. ред. В.П. Нерознак. – М.: Наука, 1985. – 395 с.
7. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384 с.
8. Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2004. – № 6. – С. 94–103.

Л.Ю. Емельянова

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ СОМНЕНИЯ

В современной философии, гносеологии все большее внимание уделяется модальному компоненту предложения-высказывания. В лингвистике модальность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения содержания высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [6]. Проблемой интерпретации модальности занимались многие ученые (В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.Б. Касевич, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов, и др.).

По классификации Н.Д. Арутюновой, сомнение относится к ментальному (когнитивному, эпистемическому модусу) [1: 109]. Модус сомнения выражает отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности, хотя и оставляет истинностное значение суждения неопределенным.

(1) – *Я вовсе... не с тем, – возразил Николай Артемьевич, по-прежнему избегая взоров Шубина. – Впрочем я охотно вас прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человек.*